354 SAFSS-1S

Русский орнитологический журнал The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XVI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2007 No 354

СОДЕРЖАНИЕ

503-514	Вторичное открытие реликтовой чайки <i>Larus relictus</i> и предыстория создания заповедника на Алаколе. А.Ф.КОВШАРЬ
515-521	К истории открытия реликтовой чайки <i>Larus</i> relictus на озере Алаколь. Э . И . ГАВРИЛОВ
522-525	Находка реликтовой чайки <i>Larus relictus</i> на Торейских озёрах (Забайкалье). В.Ф.ЛАРИОНОВ, А.М.ЧЕЛЬЦОВ-БЕБУТОВ
526-529	Питание реликтовой чайки <i>Larus relictus</i> на озере Алаколь в период размножения. Э. М. АУЭЗОВ, В. В. ФИЛАТОВ
529-531	Первые встречи морской чайки <i>Larus marinus</i> в Москве. ХИРТ ГРООТ КУРКАМП
531	Залёт малой поганки <i>Tachybaptus ruficollis</i> на северо-восток Пермской области. В . Н . П И М И Н О В

Редактор и издатель А.В.Бардин Кафедра зоологии позвоночных Биолого-почвенный факультет Санкт-Петербургский университет Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал The Russian Journal of Ornithology Published from 1992

> Volume XVI Express-issue

2007 No 354

CONTENTS

503-514	Second discovery of the relict gull <i>Larus relictus</i> and history of organizing of the Alakol nature reserve. A.F.KOVSHAR
515-521	To history of discovery of the relict gull $Larus\ relictus$ on Alakol Lake. E . I . G A V R I L O V
522-525	The finding of the relict gull <i>Larus relictus</i> on Toreysky Lakes, Transbaicalia. V.F.LARIONOV, A.M.CHELTSOV-BEBUTOV
526-529	Food of the relict gull <i>Larus relictus</i> on Alakol Lake during breeding period. E.M.AUESOV, V.V.FILATOV
529-531	The first records of the great black-backed gull <i>Larus</i> marinus at Moscow city. H.GROOT KOERKAMP
531	Vagrant little grebe <i>Tachybaptus ruficollis</i> in northeastern part of the Perm region. V. N. PIMINOV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Вторичное открытие реликтовой чайки *Larus relictus* и предыстория создания заповедника на Алаколе

А.Ф.Ковшарь

Второе издание. Первая публикация в 2004*

Длительный, многовековой период описания видового многообразия наземных позвоночных животных планеты Земля, в отличие от ещё наполовину не описанных беспозвоночных, завершился в основном к концу XIX столетия. На долю XX века достались лишь отдельные эпизоды. Два наиболее ярких из них имеют непосредственное отношение к Казахстану: это открытие в 1938 году боялычной сони, или селевинии (Selevinia betpakdalensis Belosludov et Bazhanov, 1938) и описание нового вида птиц – реликтовой чайки (Larus relictus Lönnberg, 1931) через 40 лет после того, как она была впервые добыта.

Сейчас, спустя 30 лет после этих событий, в солидной научной монографии «Птицы СССР. Чайковые» (1988) история этой птицы изложена сухим научным языком, не оставляющим места для подробностей и эмоций первооткрывателей. Привожу эту цитату дословно — как научную, справочную основу для дальнейшего повествования:

«Реликтовая чайка была описана Е.Лённбергом в качестве подвида черноголовой чайки Larus melanocephalus relictus по одному экземпляру, добытому 24 апреля 1929 г. во Внутренней Монголии в нижнем течении р. Эдзин-Гол (Lönnberg 1931). Позже были высказаны предположения, что это уклоняющийся от обычной окраски экземпляр буроголовой чайки [L. brunnicephalus Jerdon, 1840] (Дементьев 1951) или гибрид между черноголовым хохотуном [L. ichthyaetus Pallas, 1773] и буроголовой чайкой (Vaurie 1962). 14 мая 1963 г. и 12 мая 1965 г. на Торейских озёрах в Читинской области А.Н.Леонтьевым были добыты две реликтовые чайки, определённые как буроголовые (Ларионов, Чельцов-Бебутов 1972). 4 июня 1967 г. им же здесь была найдена колония этих чаек, которых вследствие неправильного определения он продолжал считать буроголовыми (Леонтьев 1968). Первое сообщение о видовой самостоятельности реликтовой чайки было сделано Э.М.Ауэзовым (1970, 1971) после находки в 1968-1969 гг. колонии на оз. Алаколь и сравнения добытых экземпляров с чайками других видов в коллекциях Зоологического музея МГУ и ЗИН АН СССР, проведённого

-

^{*} Ковшарь А.Ф. 2004. Вторичное открытие реликтовой чайки (*Larus relictus* Lönnb.) и предыстория создания заповедника на Алаколе // *Тр. Алакольского заповедника* 1: 15-31.

А.Ф.Ковшарем. Почти одновременно с этим предположение о видовой самостоятельности реликтовой чайки высказали М.Штуббе и А.Болд (Stubbe, Bold 1971)» (Зубакин 1988, с. 69).

В этой цитате стенографически точно приведена основная канва событий и названы почти все участники (в действительности их было больше) этой захватывающей эпопеи, о которой стоит рассказать подробнее, поскольку это уже история нашей орнитологии.

Впервые о встрече необычной чайки на озере Алаколь я услышал осенью 1968 г. от своего друга Эдуарда Ивановича Гаврилова, заведовавшего тогда лабораторией орнитологии Института зоологии АН КазССР и летом проводившего отлов и кольцевание колониальных птиц на островах озера Алаколь. Навестив меня в больнице, Эдуард среди прочих орнитологических новостей поделился и впечатлением о необычной чайке, птенцов которой они кольцевали на Алаколе. По его словам, на расстоянии она напоминала окраской обычную озёрную чайку Larus ridibundus Linnaeus, 1766, лишь немного крупнее её, но вот пуховые птенцы её были очень светлыми, почти белыми (тогда как у озёрной – тёмные, пятнистые), как у черноголового хохотуна, на птенцов которого они были очень похожи и по окраске. Лучшим знатоком алакольских птиц был тогда Владимир Александрович Грачёв, проживший в этих краях уже около пяти лет. На вопрос Эдуарда он ответил коротко: «Larus ridibundus!» Спор ни к чему не привёл, а застрелить странную птицу ни один из спорщиков не догадался. Рассказывая мне эту историю, Эдуард уже сожалел, что не добыл птицу и не решил этот спор сразу же на месте. И несколько раз повторил, что на следующее лето на Алаколь поедет Эрнар Ауэзов и надо, чтобы он обязательно привёз оттуда тушке странной чайки.

Второе известие о диковинной птице привёз летом 1969 года приехавший с Алаколя директор Института зоологии Аркадий Александрович Слудский, который был не только крупнейшим териологом Казахстана, но и серьёзно интересовался птицами. Он посетил полевой лагерь орнитологов и увидел там тушку добытой Эрнаром птицы, при этом подтвердил, что она необычна и определению по нашим таблицам не поддаётся. Ещё через два месяца все мы имели возможность видеть привезённую Эрнаром диковинку, которую определили как Larus melanocephalus relictus. И хотя принадлежность её к черноголовой чайке у каждого вызывала сомнение, но высказывать мысль о видовой самостоятельности вслух никто не решался.

И вот сентябрь 1969 года — Пятая Всесоюзная орнитологическая конференция в Ашхабаде. Эрнар, который по каким-то причинам не поехал на конференцию, просит меня взять с собой тушку чайки и по-казать её Лео Суреновичу Степаняну, чей авторитет в области систематики и классификации птиц уже тогда был очень высоким. Надо

было видеть, как Лео Суренович рассматривал чайку. Ни слова не говоря, он не менее получаса вертел её в руках, а затем медленно проговорил: «Я не знаю, что это, но могу сказать только одно, что это что-то мне не известное. Никогда раньше я такую птицу не видел». И затем спросил, не собираюсь ли я в ближайшее время в Москву и не смог бы взять с собой эту тушку. Я как раз собирался в длительную командировку в Москву и Ленинград для работы с коллекциями птиц для очередного тома сводки «Птицы Казахстана», и Эрнар с готовностью дал мне в дорогу не только тушку взрослой чайки, но также её пухового птенца и полную кладку. С этим багажом я и прибыл в Москву.

На «хорах» орнитологического хранилища Зоологического музея Московского университета в одной из «клеток», предназначенных для работы с коллекционным материалом, меня ожидал целый орнитологический «консилиум». Кроме Л.С.Степаняна здесь были В.Е.Флинт и мой старый приятель Саша Кищинский, тогда уже очень известный своими исследованиями орнитофауны северо-востока Азии. Сразу же после приветствия Лео Суренович коротко спросил меня: «Привёз?» На этот раз осмотр птицы был недолгим – уже через две минуты Степанян торжественно изрёк: «Она». И протянул заранее для меня приготовленный оттиск статьи Чарлза Вори, в которой тот рассматривает добытый в 1929 году экземпляр как гибрид между буроголовой чайкой и черноголовым хохотуном! После этого все наперебой стали обсуждать признаки привезённой чайки. В разговоре Владимир Евгеньевич вдруг сказал: «А помнишь, Лёва, какую чайку показывал нам как-то Чельцов? По-моему, очень похожа». Тут же позвонили на кафедру биогеографии МГУ и договорились, что профессор Александр Михайлович Чельцов-Бебутов примет меня через два часа.

Александр Михайлович в коротком перерыве между двумя половинками лекционной «пары» отвёл меня в помещение эталонной коллекции птиц мира – гордости кафедры биогеографии МГУ и особенно её создателя, профессора Вячеслава Фёдоровича Ларионова. Заметив мой заинтересованный взгляд (в своё время я не раз посылал из Западного Тянь-Шаня В.Ф.Ларионову солёные шкурки для этой коллекции), Александр Михайлович удивлённо спросил: «Неужели Вы ни разу не видели нашей коллекции?» На мой утвердительный ответ он пообещал показать мне её через час и ушёл, оставив меня наедине с приготовленным заранее открытым ящиком с тушками, штангенциркулем и чистыми листами бумаги. Среди нескольких буроголовых чаек я сразу же увидел реликтовую: она выделялась на их фоне так же, как яркий зелёный лист на фоне опавших на землю, пожухлых и выгоревших. Промеры птицы и особенно чёрно-белый рисунок первостепенных маховых не оставили никакого сомнения в принадлежности её к виду (подвиду?) Larus relictus.

Ровно через 45 минут в комнату стремительно вошёл Александр Михайлович и прямо с порога задал мучивший его вопрос. На мой утвердительный ответ он, понизив почему-то голос, сказал: «Вы понимаете, ведь я её пять лет студентам показываю как буроголовую!» И потом объяснил, что когда эту тушку привёз из Забайкалья А.Н.Леонтьев, её яркий по сравнению с буроголовой чайкой наряд все кафедральные орнитологи единодушно восприняли как отличие свежего экземпляра от птиц, долго пролежавших в коллекции. Вскоре об этом забыли, а напряжённый учебный процесс и отсутствие времени для работы с коллекционными материалами привели к тому, что пять лет птица хранилась под чужим именем. Справедливости ради надо сказать, что спустя три года после описанного разговора исправленные сведения о тушке из эталонной коллекции всё же были опубликованы (Ларионов, Чельцов-Бебутов 1972).

Воодушевлённый результатами московской «инспекции», я направился в цитадель советской зоологической науки — Зоологический институт Академии наук СССР (Ленинград, ныне Санкт-Петербург). В орнитологическом отделе этого института, возглавляемом тогда Константином Алексеевичем Юдиным (а до этого — Александром Ивановичем Ивановым), мне в 1960-1970-х годах приходилось бывать неоднократно, и приём коллег каждый раз был очень радушным, что объяснялось как неподдельным интересом к орнитофауне Казахстана и Тянь-Шаня, так и особым дружеским расположением светил питерской орнитологической науки к Игорю Александровичу Долгушину и созданной им казахстанской орнитологической школе. Но поскольку не зря сказано, что слухи идут впереди нас, то в этот раз к обычному дружелюбию примешивалось и нетерпение: ну-ка покажи то, что привёз!

После первого осмотра мнения разделились. Одни удивлялись диковинной птице, другие вопросительно смотрели на Юдина: что скажет мэтр. И он после длительного осмотра спокойно сказал: «Ничего удивительного, просто свежий экземпляр буроголовой чайки». И добавил: «У нас в коллекции есть один такой же экземпляр». Тотчас же тушка была найдена и осмотрена. Конечно же, она оказалась реликтовой чайкой, вот только этикетка была написана китайскими иероглифами. Помог Борис Владимирович Некрасов, который тогда работал в библиотеке Академии наук. Он разыскал сотрудника библиотеки, знающего китайский и расшифровавшего этикетку. Она гласила: «9 апреля 1935 г. Порт Дагу (Тангу) в провинции Хэбэй, Восточный Китай», но в коллекцию Зоологического института она попала только несколько лет назал.

Страсти накалялись. Леонид Александрович Портенко, сразу же пришедший к выводу, что $Larus\ relictus$ — самостоятельный вид, пригласил меня в свой кабинет и предложил свои услуги в быстрейшей

публикации этой сенсационной статьи в американском орнитологическом журнале «Auk», а прибывший из Борка́ Борис Карлович Штегман долго молча исследовал обе тушки (и алакольскую, и китайскую), а потом так же молча заторопился, не высказав окончательно своего мнения. Как сообщила мне на второй день Ирэна Анатольевна Нейфельдт, он в тот же вечер написал своему немецкому коллеге-орнитологу Штуббе, чтобы тот срочно поискал в своих монгольских сборах аналогичный экземпляр (что и было сделано, и в результате в самые короткие сроки появилась публикация «StubbeM., Bold A. 1971. Möwen und Seeschwalben (Laridae, Aves) der Mongolei # Mitt. Zool. Mus. Berlin. Bd. 47, № 1. S. 51-62»). Возмущённая таким вероломством уважаемого мэтра, Ирэна Анатольевна посоветовала мне ускорить публикацию, чтобы не потерять приоритет в описании. Это означало, что надо срочно возвращаться в Алма-Ату, хотя в планах моих было ещё провести дней десять в Зоологическом институте, после чего отправиться в отпуск. Отпуском можно было пожертвовать (что в конечном счёте и пришлось сделать), а вот посмотреть коллекции ЗИН и выписать орнитологические сборы с территории Казахстана для очередного тома «Птиц Казахстана» было необходимо.

И ещё одно дело не позволяло уехать сразу. Константин Алексеевич Юдин, мнение которого имело для меня первостепенное значение, попрежнему считал оба экземпляра буроголовыми чайками. Пришлось буквально осаждать его доводами, из которых самыми убедительными оказались два – расцветка первостепенных маховых и пуховой птенец. Правда, с последним он сразу же поставил меня в тупик: «А откуда Вы знаете, что это птенец именно этой чайки? Скорее всего, это пуховичок черноголового хохотуна». На моё возражение, что хохотун намного крупнее и, соответственно, пуховик его как минимум вдвое тяжелее, чем у реликтовой чайки, Константин Алексеевич, хитро прищурившись, развернул мне второй том «Птиц Казахстана», где на странице 299 было написано буквально следующее: «Вес птенцов, только что выклюнувшихся из яйца, 40-80 г (по взвешиваниям Чекменёва)». На этикетке привезённого мной пуховика был обозначен вес 50 г, что вполне укладывалось в приведённые колебания веса птенцов хохотуна. Мои попытки подвергнуть сомнению приведённый в книге неестественно большой размах колебаний веса у одного вида Константин Алексеевич мягко отклонил, хотя и согласился, что цифры эти сомнительные и что вполне могла вкрасться просто опечатка.

Завершил разговор он совершенно неожиданно, сказав, что в местах совместного гнездования с черноголовым хохотуном (а на Алаколе гнездятся оба вида) вполне возможно среди свободно бегающих птенцов отловить «чужого». И добавил, что если я приведу неопровержимые доказательства того, что находящийся у меня в руках птенец принад-

лежит именно этой чайке, тогда он снимает все свои возражения против её видовой самостоятельности, поскольку у буроголовой чайки (как и у озёрной) пуховые птенцы тёмные, густопятнистые, а этот почти белый, с едва наметившимся рисунком.

Присутствовавшая при этом И.А.Нейфельдт перевела разговор в другое русло: «Будущей весной вам с Гавриловым надо бросить все дела и поехать на этот остров, чтобы провести детальные наблюдения и ответить на все вопросы». Того же мнения был и Константин Алексевич. С этим напутствием старших я и отбыл домой.

Эдуард Иванович Гаврилов по ряду причин от поездки отказался, но меня отпустил. И мы с Эрнаром договорились, что в мае я приеду к нему на остров Средний дней на десять. Последовавшие затем события сделали эту поездку особо запоминающейся. Попробую изложить их по порядку, хотя и прошло уже более 34 лет.

В середине мая 1970 года Эрнар Ауэзов приехал в Алма-Ату за некоторым имуществом, в частности, за новым лодочным мотором. Буквально через день пришла телеграмма из села Жарбулак (восточный берег Алаколя): «Лодку, имущество и документы утопил. Сам живой. Анвар». Читая и перечитывая её, обычно невозмутимый Эрнар сказал, что на розыгрыш это непохоже, ибо Анвар, которого он оставил в лодке, ещё совсем мальчишка и не станет так шутить. И мы срочно вылетели на маленьком самолёте ЛИ-2, имея груз 152 кг на двоих (теперь пришлось везти два лодочных мотора — «Вихрь» и «Нептун»). Сильный ветер задержал нас на несколько часов в Талды-Кургане, а затем доставил немало хлопот уже над Алакольской котловиной, где он гулял в полную силу.

На место мы прибыли под вечер, пришли к дому дяди Пети, у которого жили Эрнар с Анваром, и здесь нас встретил сам пострадавший. Оказалось, что он решил заночевать прямо в лодке у обрывистого берега. А когда ночью разыгрался штормовой ветер, лодку сорвало с якоря и стало относить от берега. Анвар успел выскочить из лодки, захватив только спальный мешок. Всё остальное утонуло, причём место затопления в кромешной тьме рассмотреть было невозможно. Это уже днём дядя Петя выяснил, что лодка затонула недалеко от берега и вся занесена илом, песком и гравием.

Поиски техники для поднятия лодки не дали результатов. К тому же стогомёт, который мы так упорно искали в окрестных колхозах, вряд ли помог бы, поскольку с его помощью заиленную тоннами песка и гравия лодку можно было только разломать. Когда вода немного спа́ла, мы стали руками освобождать лодку от её каменно-песчаного груза. Наконец, на второй день нам удалось вытащить лодку на берег. Теперь предстоял ремонт, поскольку во время шторма и последующего извлечения лодки с неё были сорваны так называемые волнорезы

(длинные металлические угольники, приклёпанные частой клёпкой вдоль каждого борта). Здесь я оценил многоопытность и запасливость Эрнара: оказывается, среди тех 152 кг груза, что мы везли на самолёте, находилось и ведро, доверху наполненное клёпками самых разных размеров. На освоение профессии клепальщика и латание дыр ушло ещё полтора дня.

И вот наша восстановленная посудина, нагруженная всем необходимым и снаряжённая привезённым нами мотором, направилась к острову Средний, где располагалась колония чаек и крачек. Однако достичь его сразу не удалось: разыгравшийся ветер «Сайкан» вынудил нас причалить к соседнему, более крупному Каменному острову. Как объяснил Эрнар, такое здесь бывает часто. И при этом добавил, что на Каменном нет родников пресной воды.

Экскурсия по острову показала, что помимо мелких воробьиных птиц, среди которых особенно бросались в глаза яркие самцы каменок-плешанок Oenanthe pleschanka и жёлчных овсянок Emberiza bruniceps, здесь обитают две семьи журавлей-красавок Anthropoides virgo, у которых недавно вылупились птенцы. Несколько часов пробыли мы на Каменном и уже были готовы к тому, что здесь придётся заночевать. Чтобы добыть воду для чая, Эрнар выкопал некоторое подобие колодца прямо в прибрежной полосе, всего в 10 м от прибоя. Фильтруясь через толщу песка, вода стала менее солёной, чем в озере, однако жажду она не утоляла. Вскипятив чай, Эрнар достал пакетик с лимонной кислотой и стал добавлять её в чай вместе с сахаром. В таком виде горячий чай показался нам удивительно вкусным.

К вечеру ветер начал стихать, и Эрнар сказал, что пора отправляться дальше. Преодолев неширокий пролив, мы уже через час были на месте прежнего лагеря, успели поставить палатки и приготовить ужин. Последний представлял собой яичницу из яиц хохотуньи *Larus* cachinnans. Эта крупная чайка с хорошо выраженными хищническими наклонностями была довольно многочисленной на острове и представляла собой реальную угрозу для реликтовой чайки. Поэтому Эрнар время от времени проводил здесь своеобразное биотехническое мероприятие: налив в ведро солёной озёрной воды, он обходил остров, по периметру которого располагались одиночные гнёзда этой красивой разбойницы, и поочерёдно опускал её яйца в солёную воду, проверяя их на степень насиженности. Свежеснесённые яйца при этом шли ко дну, а насиженные (у которых по мере инкубации увеличивалась воздушная полость) всплывали. Чаячья яичница оказалась отменной. Эрнар не ограничивался изъятием яиц, он отстреливал и взрослых хохотуний, из мяса которых готовил котлеты (для чего даже привёз на остров мясорубку!). И если бы не песок, который попадал в фарш и с воздуха, и с воды, котлеты были бы вполне съедобны.

Остров Средний — крошечный (всего 0.6 км²) клочок суши, расположенный между двумя островами покрупнее, почти в центре большого солёного озера (до ближайшего восточного берега — 15 км). Берега острова большей частью пологие, но местами образуют скальные отвесы до 3-4 м высотой, на которых гнездятся большие бакланы *Phalacrocorax carbo*. Центральная часть острова поднята до 65 м над водой. Пологие склоны этой возвышенности и опоясывающие их террасовидные уступы покрыты щебёнкой с редкой засушливой растительностью, среди которой довольно часто видны щебнистые плешины. И только на более крутом северо-восточном склоне возвышенности имелись заросли невысоких, до 1.5-2 м высотой, кустарников.

Этот изолированный от наземных хищников островок (лишь в редкие годы сюда по льду проникают с соседнего острова лисицы) стал пристанищем для большого количества пернатых. Во время нашего пребывания здесь, помимо колонии реликтовой чайки, были две плотные колонии чеграв *Hydroprogne caspia* общей численностью не менее 1500 пар, три небольшие колонии черноголовых хохотунов *Larus ichthyaetus* — около 500 пар, колония чайконосых крачек *Gelochelidon nilotica* — около 1000 пар, колония речных крачек *Sterna hirundo* — около 200 пар, а также не менее 200 гнёзд хохотуний, разбросанных в основном по периметру острова. Кроме того, здесь гнездилось не менее 10 пар серых уток *Anas strepera*, две пары куликов-сорок *Haematopus ostralegus*, несколько пар полевых жаворонков *Alauda arvensis*, деревенских *Hirundo rustica* и береговых *Riparia riparia* ласточек. Многие из этих птиц гнездились всего в 10-15 м от гнёзд реликтовых чаек, а одно гнездо чайконосой крачки размещалось даже внутри их колонии.

Реликтовые чайки облюбовали верхнюю часть холма в центре острова, примерно в 100 м от места своей прошлогодней колони (в 1969 г., по словам Эрнара, здесь было 25-30 гнёзд). В начале июня 1970 г. мы насчитали в колонии 108 гнёзд, в стороне находились ещё 8 гнёзд, а одна пара реликтовых чаек гнездилась в 100 м от основной колонии, почти в центре колонии чеграв. Забегая вперёд, могу сказать, что ещё через год реликтовые чайки в числе 32 пар гнездились в 300 м от колонии 1970-го года, всего в 20 м от берега.

Стараясь наверстать упущенное на берегу время, я в первое же утро поставил вблизи колонии маленькую палатку и весь этот и последующие дни проводил в ней, наблюдая за поведением этой невиданной ранее птицы. У этой небольшой, изящной тёмноголовой чайки на расстоянии сразу же обращает на себя внимание ярко-белое полукольцо вокруг глаз, которое, вне всякого сомнения, намного заметнее, чем у летающих здесь же более мелких озёрных чаек. В полёте реликтовая чайка представляет собой как бы уменьшенную копию черноголового хохотуна, от которого на расстоянии, помимо размеров, отличается

также тёмным клювом и более лёгким полётом. Вблизи хорошо заметен светло-кофейный налёт вокруг клюва — на лбу и по бокам головы.

В колонии во время насиживания яиц эти чайки ведут себя довольно спокойно и человека подпускают до 30 м. При дальнейшем приближении взлетают всей стаей и бесшумно летают кругами над местом расположения колонии с тихим гоготанием или молча. Как только опасность минует, сразу же опускаются недалеко от колонии и идут к гнёздам.

Вылупление птенцов началось 2 июня, и сразу же отпали всякие сомнения в том, что птенец, которого я демонстрировал в Зоологическом институте АН СССР, принадлежал данному виду. Все пуховички появлялись почти чисто белыми, и только через несколько дней на белом фоне опушения у некоторых проявлялись тёмные окончания перьев, создающие какое-то подобие бледного рисунка.

На окраине колонии в одном из гнёзд 5 июня мы наблюдали вылупление первого птенца. В этот день утром чайки вели себя как обычно и не обращали внимания на палатку-скрадок, из которой я вёл наблюдения всего в 12 м от колонии. Это позволило мне передвинуть свой скрадок ещё на 2 м ближе. Однако к концу дня вся колония была взбудоражена: в течение получаса чайки кружили над гнёздами, кричали больше обычного и явно были чем-то напуганы. Я тотчас вернул скрадок не только на прежнее место, где он стоял уже несколько дней, но и ещё дальше от колонии. Однако, скорее всего, причиной испуга чаек были несколько выстрелов, впервые прозвучавших в этот день на острове. Это Эрнар ввиду моего скорого отъезда решил добыть одну реликтовую чайку для Л.С.Степаняна, заручившись предварительно моим согласием сделать из неё тушку, которую не стыдно было бы хранить в личной коллекции этого уважаемого им систематика.

На следующий день в колонии было много разбитых яиц, внутри которых находились полностью сформировавшиеся птенцы; из 108 гнёзд уцелели 79. Что бы ни было причиной такой паники в колонии, мы с Эрнаром чувствовали себя в какой-то мере причастными к этому. С тех пор я твёрдо знаю, что как бы ни были покладисты эти милые птицы, в период вылупления птенцов они ведут себя очень нервно, и в это время к гнёздам лучше не подходить. И уж тем более нельзя стрелять в ближайших окрестностях: любой неосторожностью можно погубить всю колонию...

Последнее обстоятельство побудило нас ускорить организацию охраняемой территории на Алаколе. Одновременно с завершением статьи о видовой самостоятельности реликтовой чайки, опубликованной в «Зоологическом журнале» в 1971 г. (предварительное краткое сообщение о находке её колонии было напечатано в «Вестнике АН КазССР», 1970,№ 1), Эрнар Ауэзов стал собирать документы и публи-

ковать в газетах статьи о необходимости охраны этой уникальной колонии, а я, как председатель секции охраны животного мира Казахстанского общества охраны природы, поставил это в повестку дня заседаний секции, которая поддержала идею создания заповедника на Алаколе. В результате всех этих действий летом 1971 г. было принято половинчатое решение: остров Средний на озере Алаколь объявлен государственным заказником!

Поскольку такое решение шло вразрез с тем, что мы предлагали, а заказной режим не исключает посещения острова людьми (например, отдыхающими), то я продолжал во всех инстанциях доказывать необходимость создания именно заповедника. Этому вопросу был посвящён, в частности, специальный доклад «Реликтовая чайка: заповедник или заказник?», сделанный мною на научно-производственном совещании «Исчезающие и редкие звери и птицы Казахстана, меры по их охране и воспроизводству», состоявшемся в Академии наук Казахстана 15-16 февраля 1973, как первый шаг к созданию Красной книги Казахстана. Поскольку в нём очень кратко освещена вся проблема, а сборник, в котором опубликованы доклады совещания, давно уже стал библиографической редкостью, позволю себе привести здесь цитаты из этого доклада.

«К сожалению, ажиотаж вокруг реликтовой чайки привёл к тому, что ею как редчайшим видом заинтересовались сборщики коллекций и просто любители сенсаций. В результате в зун-торейской колонии (в Забайкалье — A.K.) в 1970 г. были проведены сборы птенцов, яиц и взрослых птиц, после чего эта колония перестала существовать. И хотя "после этого — ещё не значит вследствие этого", к тому же официально причиной гибели считают шторм (Потапов, 1971), нельзя не признать, что посещение колонии в момент вылупления птенцов и коллектирование в это время явились роковым дополнением к стихийному бедствию.

Как бы то ни было, но Алакольская колония осталась единственной. Создавшееся положение накладывает на Казахстан особую ответственность за сохранение этого вида. Поэтому орнитологи Академии наук КазССР подняли вопрос о заповедании о-ва Среднего. Ходатайство было поддержано целым рядом научных учреждений и общественных организаций Советского Союза, в том числе Зоологическим институтом АН СССР, Центральной лабораторией охраны природы МСХ СССР, Казахским обществом охраны природы. В частности, в письме, подписанном директором ЗИН АН СССР академиком Б.Е.Быховским и заведующим лабораторией орнитологии этого института доктором биологических наук К.А.Юдиным, говорится: "Достаточно одного вторжения сборщиков яиц, чтобы эта колония перестала существовать... Наилучшим практическим мероприятием, с на-

шей точки зрения, было бы объявить остров, где гнездятся реликтовые чайки, заповедником (разрядка моя — А.К.) и организовать соответствующую его охрану. В дальнейшем будет целесообразным ходатайствовать об объявлении реликтовой чайки абсолютно охраняемым на территории СССР видом". В итоге летом 1971 г. о. Средний на оз. Алаколь был объявлен государственным заказником.

Казалось бы, всё хорошо. Но возникает вопрос: гарантирует ли режим заказника достаточно полную охрану колонии? Думается, что нет. Как известно, заказник – это территория, на которой запрещена охота. Цель его – создать временно условия для максимального увеличения численности охотничьих животных с тем, чтобы плотность их достигла промысловой. В этом принципиальное отличие заказника как охотничьего учреждения от заповедника, создание которого преследует научные цели: сохранение в неприкосновенности ландшафта с населяющим его растительным и животным миром для изучения естественного хода развития природных комплексов. В своё время начальник Главного управления заповедников и охотничьего хозяйства при Совете Министров Казахской ССР В.А.Степанов писал: "Главное управление заповедников и охотничьего хозяйства совместно с Казахским обществом охраны природы предполагает войти с ходатайством в правительство республики об организации четырёх-пяти новых заказников, на территории которых, в отличие от заповедников, запрещается только охота, в том числе на о-ве Средний на оз. Алаколь, где обнаружен особый исчезающий вид реликтовой чайки" (Степанов, 1971).

Но ведь прямое истребление охотниками меньше всего грозит реликтовой чайке. Гораздо опаснее сбор яиц, гнёзд, птенцов и, наконец, просто посещение острова туристами и другими любознательными путешественниками в период гнездования птиц. Следовательно, необходимо полностью запретить любое посещение острова людьми. А это возможно только при заповедном режиме... Только в таком случае можно будет рассчитывать на сохранность колонии реликтовой чайки...» (Ковшарь 1977, с. 193-195).

Этот доклад был с одобрением встречен участниками совещания и в резолюцию его было внесено предложение о необходимости преобразования уже существующего заказника в заповедник... Однако прошло ещё 25 лет, прежде чем Алакольский заповедник был создан. Но это уже другая история, с другими участниками и перипетиями событий. Они лучше всего известны человеку, которому удалось-таки довести начатое в 1971 г. дело до конца — Серику Амирхановичу Толганбаеву.

Эрнар Ауэзов, безвременно ушедший из жизни за три года до оформления Алакольского заповедника, до конца своих дней следил за реликтовой чайкой и состоянием её колонии на Алаколе, а в последние годы, работая начальником отдела охраны животного мира

«Казглавохоты», всемерно помогал орнитологам Института зоологии в проведении полевых работ на Алаколе, в том числе и по учётам реликтовой чайки. Помимо защиты кандидатской диссертации на тему «Биология реликтовой чайки и мероприятия по её охране» (1980), он опубликовал целый ряд научных работ, а также научно-популярных очерков об этой удивительной птице. Один из таких очерков под названием «Алакольский сюрприз», первоначально опубликованный в альманахе «Живые сокровища Казахстана» (1979) в 2003 г., к 60-летию автора, был переиздан отдельной книжкой под названием «Чайка» на трёх языках — казахском, русском и английском. Благодаря Эрнару об этой удивительной чайке сняты два научно-популярных фильма — в 1970 г. Акмолинской телестудией (режиссёр Диаз Гильманов) и спустя несколько лет — студией «Казахфильм» (реж. Эльза Дильмухамедова).

Литература

- Ауэзов Э.М. 1970. О находке колонии реликтовой чайки *Larus relictus* // *Becmн. AH КазССР* 1: 59-60.
- Ауэзов Э.М. 1971. Таксономическая оценка и систематическое положение реликтовой чайки (*Larus relictus* Lönnb.) // Зоол. журн. **50**, 2: 235-242.
- Ауэзов Э.М. 1979. Алакольский сюрприз // Живые сокровища Казахстана. Алма-Ата: 106-116.
- Ауэзов Э.М. 1980. *Биология реликтовой чайки и мероприятия по её охране*. Автореф. дис. ...канд. биол. наук. М.: 1-18.
- Ауэзов Э.М. 2003. Чайка. Алматы.
- Дементьев Г.П. 1951. Отряд чайки Lari или Lariformes $/\!\!/ \Pi muuu$ Советского Союза. М., 3: 373-603.
- Зубакин В.А. 1988. Семейство Чайковые Laridae // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 51-370.
- Ковшарь А.Ф. 1974. Дополнение ко 2-му тому: Реликтовая чайка Larus relictus Lönnb. // Птицы Казахстана. Алма-Ата, **5**: 407-411.
- Ковшарь А.Ф. 1977. Реликтовая чайка: заповедник или заказник? // Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата: 193-195.
- Ларионов В.Ф., Чельцов-Бебутов А.М. 1972. Находка реликтовой чайки на Торейских озёрах (Забайкалье) // Орнитология 10: 277-279.
- Леонтьев А.Н. 1968. Гнездовая колония чаек и бакланов на Торейских озёрах // Изв. Забайкальского фил. Геогр. общ-ва СССР 6: 79-80.
- Потапов Р.Л. 1971. Находка на Торейских озёрах // Природа 5.
- Степанов В.А. 1971. Заповедники республики // Газ. «Вечерняя Алма-Ата» 5.04.
- Lönnberg E. 1931. A remarkable gull from the Gobi Desert #Ark. Zool. B. 23, 2: 1-5.
- Stubbe M., Bold A. 1971. Möwen und Seeschwalben (Laridae, Aves) der Mongolei // Mitt. Zool. Mus. Berlin 47, 1: 51-62.
- Vaurie Ch. 1962. The status of *Larus relictus* and other hooded gulls from Central Asia // Auk 79, 3: 303-309.

К истории открытия реликтовой чайки Larus relictus на озере Алаколь

Э.И.Гаврилов

Второе издание. Первая публикация в 2004*

Лаборатория орнитологии Института зоологии АН КазССР в 1966 году приступила к изучению миграций птиц в Казахстане, поскольку это направление исследований было разработано очень слабо. По инициативе профессора Игоря Александровича Долгушина в этом году был создан орнитологический стационар на перевале Чокпак, на границе Джамбульской и Южно-Казахстанской областей. Однако в первые годы птиц в стационарную ловушку здесь ловилось очень мало (всего 1500-2500 особей за сезон), поэтому мы начали поиск новых возможностей для увеличения масштабов кольцевания, чтобы повысить поступление новой информации о сезонных перемещениях птиц. Нам представлялось, что исходя из небольшого числа сотрудников лаборатории (порядка 10 человек), наиболее простой путь решения проблемы – расширение кольцевания птенцов колониальных водно-болотных птиц (бакланов, цапель, чаек, крачек и др.), от которых в те годы охотники и рыбаки довольно часто присылали кольца. Однако опыта в такой работе у нас не было.

Поэтому летом 1968 г. мы организовали рекогносцировочный полевой отряд, в который, кроме меня, входили недавно начавшие работать в лаборатории молодые специалисты Эрнар Ауэзов и Алексей Нестеров. Решено было ехать в Алакольскую котловину. Во-первых, здесь уже второй год приводили исследования младший научный сотрудник Марат Бикбулатов и лаборант Владислав Филатов, на помощь которых при необходимости мы могли рассчитывать. Во-вторых, в посёлке Уч-Арал жил с 1964 г. наш хороший друг Владимир Александрович Грачёв. Будучи заведующим Алакольским опорным пунктом ВНИИОЗ, он хорошо знал территорию и населяющих её птиц, особенно водоплавающих и водно-болотных. Именно от него мы и узнали о существовании в Алакольской котловине крупных колоний птиц. Присоединился к нам и приехавший из Москвы Измаил Алексеевич Мухин, любитель птиц и страстный фотограф.

И вот 15 июня мы поехали в Уч-Арал. До посёлка добрались без приключений. Переночевали у Грачёва, проведя вечер и часть ночи

Рус. орнитол. журн. 2007. Том 16. Экспресс-выпуск № 354

^{*} Гаврилов Э.И. 2004. К истории открытия реликтовой чайки на оз. Алаколь // Tp. Алакольского заповедника 1: 8-15.

за обсуждением дальнейших планов. Долго спорили о том, с какой стороны лучше отталкиваться шестом с байдарки: с правой или левой. Конечно, опытный промысловик взял верх. На следующее утро направились в Арал-Тобе. По пути увидели выводок серых гусей Anser anser, четырёх птенцов поймали и окольцевали (в последующем одно кольцо было прислано охотником). Несколько часов ждали Марата, который должен был приехать за нами. Ходили по окрестностям рыбачьего посёлка, окольцевали нескольких береговых ласточек Riparia riparia в колонии. Наконец появился Марат, и мы, перегрузив всё имущество в его лодку, отбыли в полевой лагерь.

Бикбулатов и Филатов базировались в домике Грачёва в дельте Тентека, где он жил в период промысла ондатры. Размещался он на небольшом островке диаметром 250-300 м и был окаймлён по берегу зарослями тростника и ивняка. Осматривали ближайшие озёра (Длинная курья, Большие Миялы, Третье Закрытое). К сожалению, о паутинных сетках мы в те годы почти ничего не знали. Поэтому основное внимание уделялось поискам гнёзд, и если в них находились птенцы подходящего возраста, кольцевали их.

На озере Большое Сафроново Марат знал колонию больших бакланов Phalacrocorax carbo, и 19 июня мы отправились туда на двух байдарках, на одной – Эрнар и я, на другой – Марат и Владислав. Байдарка Марата шла первой, и я удивлялся, как в безбрежном море тростника можно разыскать «дорогу» по едва приметным следам прохождения байдарки (лишь там, где надо было круто изменить маршрут, свежие листья тростника были завязаны пучком). Через несколько часов пути, поскольку птиц встречалось очень мало, я стал упрашивать Эрнара, чтобы он дал мне «порулить». Наконец, он согласился, и мы поменялись местами. Я встал за шест, представлявший собой тонкую жердь длиной 5-6 м с небольшой рогулькой на конце (чтобы не очень вяз в топком иле). Сначала всё шло нормально, но вскоре я увидел впереди открытую воду и решил сильнее оттолкнуться. Шест завяз в топком иле, я потерял равновесие, и после резких боковых качков наша байдарка наполнилась водой почти наполовину. Больше Эрнар шест мне не доверял.

К вечеру добрались до колонии. Гнёзда бакланов размещались на заломах тростника. Большинство птенцов были подросшими, но в некоторых гнёздах находились яйца или недавно вылупившиеся птенцы. Окольцевав часть птенцов, мы были вынуждены заночевать здесь. Поскольку ни клочка суши рядом не было, устроились в байдарках. Ночью нас донимали комары, которых здесь было несметное множество. Наутро закончили работу (всего окольцевали 144 бакланов, 5 хохотуний Larus cachinnans и 3 птенцов галки Corvus monedula, которые свили гнездо в столь необычном месте) и вернулись в лагерь.

23 июня побывали на озере Третье Закрытое, где гнездилось до тысячи пар озёрных чаек Larus ridibundus, 50 пар чёрной Chlidonias niger и несколько пар речной Sterna hirundo крачек. Размещалась колония на мелководье, большинство гнёзд чаек было устроено на плавающем сухом тростнике, а потревоженные птенцы быстро скрывались в соседних густых зарослях зелёного тростника. У чаек большинство молодых уже летали и лишь немногие были младшего возраста, поэтому удалось поймать руками только 56 птиц.

Наконец, 24 июня мы отправились на алакольские острова. Приехав в Рыбачье, Эрнар достаточно быстро убедил начальство дать нам на пару дней корабль (насколько помню, ПТС – промыслово-транспортное судно) для обследования островов. В этой поездке участвовали я, Эрнар, Грачёв, Мухин, Нестеров и Марат. Едва мы 25 июня высадились на острове Средний, как были оглушены криками тысяч птиц. Всюду бегали птенцы, и мы стали ловить их и кольцевать. К такой работе мы оказались полностью неприспособленными. Номера на кольцах предварительно не были проверены, и приходилось сначала записывать номер и лишь потом одевать птенцу кольцо, что очень замедляло работу. Поскольку птенцов многих видов мы видели впервые, нас консультировал Володя, достаточно хорошо знавший чаек и крачек. Он, как и мы, тоже впервые попал на этот остров, о котором прежде неоднократно слышал от рыбаков, собиравших здесь птичьи яйца. Поэтому, поймав очередного птенца, мы спрашивали Володю, кто это. Посмотрев, он говорил: «Larus argentatus» или «Larus ichthvaetus». Под таким названием мы и записывали кольцуемых птиц.

Наконец, кто-то поймал светлого полуоперённого птенца мелкой чайки. Он был очень похож на черноголового хохотуна. Спросили Володю, и он с важным видом произнёс: «Larus ridibundus». С ним никто не спорил, и под этим названием я записал данные о птице в блокнот. Затем увидели ещё небольшую группу таких же птенцов. Нескольких поймали, окольцевали и записали так же: «Larus ridibundus». За несколько часов пребывания в колонии были помечены 50 черноголовых хохотунов, 193 хохотуньи, 13 «Larus ridibundus», 549 чеграв Hydroprogne caspia, у которых в это время происходило массовое вылупление и кольцевать их птенцов было очень просто, так как они не покидали гнёзд, и 30 чайконосых крачек Gelochelidon nilotica, в большинстве гнёзд которых были ещё кладки. Всего на Среднем, по моей визуальной оценке, гнездилось примерно 200-300 пар хохотуний, 100 пар черноголовых хохотунов, 20-30 пар озёрных чаек, около 2 тыс. пар чеграв, примерно 1 тыс. пар чайконосых крачек, 20-30 пар речных крачек и 2-4 пары куликов-сорок Haematopus ostralegus. Почти у всех видов встречались как яйца, так и птенцы различного возраста, от только что вылупившихся до начавших подлётывать. Довольно много встречали и погибших птенцов. Сейчас ясно, что растянутость гнездования у птиц была вызвана неоднократным посещением острова рыбаками, собиравшими здесь яйца. Всего на Среднем мы пометили 875 птенцов чаек и крачек.

На следующий день мы посетили находившийся недалеко остров Каменный. Здесь нашли: две пары журавлей-красавок Anthropoides virgo, выводок уже летающих балобанов Falco cherrug, небольшую колонию больших бакланов, располагавшуюся на отвесной скале, уходящей в воду. Поэтому удалось достать птенцов всего из четырёх гнёзд (окольцовано 12). Жили здесь также огарь Tadorna ferruginea, сизый голубь Columba livia, двупятнистый жаворонок Melanocorypha bimaculata, индийский воробей Passer indicus и деревенская ласточка Hirundo rustica, устроившая гнездо в гроте.

Самый крупный остров — Большой Аралтобе — мы посетили 27 июня. Здесь держались хохотуньи и черноголовые хохотуны с уже летающими молодыми, гнездилось 5 пар ходулочников *Himantopus himantopus*. В последующие дни мы побывали на острове Чубар-Тюбек, где окольцевали птенца красавки, 12 хохотуний и 17 черноголовых хохотунов, большинство из которых были уже «на крыле». Посетили также урочище Карасу, устье Катынсу, между Рыбачьим и Эмелью, где держалось много уток, а также ряд других точек.

Поскольку я счёл наше обследование завершённым и стоявшие перед нами задачи выполненными, в середине июля наш отряд отбыл в Алма-Ату. Действительно, мы обнаружили более десятка колоний, окольцевали свыше тысячи птиц, выяснили недочёты при кольцевании в колониях, и над усовершенствованием этой методики нам предстояло работать...

В Институте зоологии я прежде всего заполнил ведомости кольцевания, взяв все данные из своего дневника, а также записи остальных участников этой экспедиции. Здесь-то всё и началось. Дойдя в дневнике до «Larus ridibundus», я её так и переписал. Однако через некоторое время вспомнил, что мы же кольцевали озёрных чаек, и птенцы были у них иной окраски, с чёрно-бурой спиной. Начали изучать второй том «Птиц Казахстана». Выяснилось, что имеющееся описание птенцов озёрной чайки абсолютно не подходит к окольцованным нами на острове Среднем птенцам. Несколько дней мы горячо обсуждали эту проблему, выясняя, какой же вид нам встретился. В обсуждении участвовали и Мстислав Николаевич Корелов, и Мария Алексеевна Кузьмина. Не помогли и слайды Измаила Алексеевича, сделанные «с руки» обычным объективом – летающие птицы на них были очень мелкими. Поскольку по имеющемуся описанию эти птенцы были очень похожи на черноголового хохотуна, я переправил в ведомостях *Larus* ridibundus на Larus ichthyaetus. Однако здесь возникло другое несоответствие. Птенцов черноголового хохотуна мы метили кольцами серии «D», а «озёрных» чаек — более мелкими кольцами серии «E», которые были им даже великоваты. В то же время по развитию оперения они находились на одном уровне с черноголовым хохотуном. Не может же быть, чтобы у одного вида птенцы так различались размерами. Поэтому решили во что бы то ни стало добыть загадочных чаек, изготовить из них тушки, а потом уже определять, к какому виду они относятся.

Поэтому я с Эрнаром в середине августа вновь поехал на Алаколь. Попасть на остров Средний мы и не пытались, так как гнездование чаек давно должно было закончиться. У нас была другая цель – выяснить, не линяют ли на озере утки, а если да, то попытаться поймать их. Добрались до Каратумы. Здесь в густых зарослях тростника мы услышали характерные звуки, издаваемые держащимися тесной стаей линными утками. С байдарки невозможно было бесшумно установить сети, поэтому поймали всего четырёх птиц (двух шилохвостей Anas acuta и двух чирков-свистунков $A.\ crecca$). На следующий день на одном из озёр встретили семью лебедей-шипунов Cygnus olor с двумя птенцами, которые быстро добрались до берега и скрылись в прибрежных зарослях тростника. Мы – за ними. Быстро нашли птенцов, которые затаились, так как были неспособны к быстрому передвижению по густым зарослям. Их поймали и окольцевали. Затем мы продолжили наш путь и вскоре оказались на чистой воде. Недалеко плавали два взрослых лебедя, и, поскольку они не улетели, мы решили, что они линяют. В этот день мы использовали лёгкую фанерную лодку «Форель» с двумя вёслами, чтобы быстрее поймать птиц. Началась погоня, но расстояние между нами не сокращалось, хотя птицы медленно гребут лапами. Минут через двадцать мы оставили эту затею.

Не забывали мы и про нашу загадочную чайку. Разглядывали всех пролетающих птиц, а некоторых «подозрительных» отстреливали. Все они оказались озёрными чайками, начавшими линять в зимний наряд. Так ни с чем мы и вернулись домой, резонно рассудив, что добывать птиц придётся в следующем году.

В конце зимы, при обсуждении планов и программы работ на 1969 год, Эрнару Ауэзову дали конкретное задание: съездить на Алаколь, добыть и привести тушки этой загадочной чайки. Я и Анатолий Ковшарь были заняты работой на Чокпаке и сдачей в издательство 3-го тома «Птиц Казахстана», поэтому не смогли участвовать в этой поездке. Эрнар поехал на Алаколь с Владиславом Филатовым. Они окольцевали 127 птенцов хохотуньи, 78 черноголовых хохотунов, 50 неизвестных чаек, которых мы в прошлом году уже записали как Larus ichthyaetus, 452 озёрные чайки, 1346 чеграв, 125 чайконосых крачек, 3 малых крачки Sterna albifrons, 158 речных крачек и 212 больших бак-

ланов. Им также удалось застрелить 8 взрослых и 3 молодых неизвестных нам чаек и изготовить из них тушки (22 июня – 14 июля). Однако, вернувшись в Алма-Ату, Эрнар не смог определить этих птиц, хотя пользовался всеми имеющимися у нас определителями.

По возможности полнее изучить эту неизвестную науке птицу было престижной задачей. И Эрнар Ауэзов взялся за эту работу. В течение нескольких лет совместно с Владиславом Филатовым, Анваром Жалбагаевым, Александром Грачёвым и другими помощниками он проводил наблюдения на острове Средний, а мы создали мобильный орнитологический отряд для кольцевания птенцов колониальных видов и регулярно приезжали на Алаколь метить чаек, крачек, бакланов, Береговых ласточек *Riparia riparia*, галок и др. По инициативе Ауэзова в 1971 году на островах был создан государственный заказник «Реликтовая чайка». Егеря заказника, Владимир Михайлович Коробкин и Василий Дмитриевич Урмашов, располагая лишь старенькой «казанкой» («прогресс» появился у них позже), быстро навели на озере порядок, и рыбаки перестали посещать острова для сбора яиц. Егеря активно помогали в работе Эрнару, а также нашему мобильному отряду, когда мы приезжали на Алаколь. Уже в 1971 году Эрнар опубликовал в «Зоологическом журнале» большую статью «Таксономическая оценка и систематическое положение реликтовой чайки Larus relictus Lönnb.», в которой доказал видовую самостоятельность этой формы и привёл её морфологические отличия от близких видов. Все собранные по этой чайке научные материалы были обобщены им в написанной под моим руководством диссертации, которую он успешно защитил в Москве в 1980 году, и ему присвоили учёную степень кандидата биологических наук.

Такова вкратце история экспедиции 1968 года на алакольские острова, которая привела к сенсационному орнитологическому открытию и, по существу, стала отправной точкой идеи о необходимости организации здесь заповедника, которая осуществилась лишь спустя 30 лет! Кажется, здесь можно было бы поставить точку. Однако реликтовая чайка продолжает ставить перед учёными всё новые и новые вопросы. Так, в процессе работы на Алаколе с 1968 по 1991 год было окольцовано 3259 птенцов этой птицы, от которых поступило 9 возвратов колец, причём два — из Турции и Болгарии. Если при считывании номеров колец не было ошибки, а такое иногда случалось, то возникает вопрос, почему эти особи полетели не на свои места зимовки в Юго-Восточной Азии, а в Европу? Ответа на него пока нет.

Чайки иногда устраивали колонии не на Среднем, а на более низких галечниковых и песчаных островах (Чубар-Тюбек, близ Горького ключа, на Писках, Зелёненьком), где их гнёзда иногда смывало во время штормов или растаптывали выходившие отдыхать на сушу пеликаны. Сначала полагали, что птицы перестали гнездиться на Среднем из-за поселившейся на острове лисицы, зашедшей туда зимой по льду. Когда егеря, после долгих моих уговоров, в 1987 г. уничтожили её, реликтовые чайки лишь через четыре года, в 1991, возвратились гнездиться на остров Средний. Чем руководствуются птицы при выборе места для колонии?

Численность гнездящихся реликтовых чаек в среднем была невысокой. Больше всего их селилось в 1975-1979 годах (окольцевали 800, 1108, 416, 97 и 316 птенцов, соответственно). Совершенно очевидно, что такое увеличение не могло произойти за счёт успешного размножения местной популяции. Ведь известно, что реликтовые чайки издавна гнездились в Забайкалье, а в 1990 году нашли их гнездовые колонии в Ордосе (Китай). Добывали этих птиц и в Монголии (у озера Буйрнур), они тоже первоначально были неправильно определены как Larus ridibundus. Проводя обследование островов Балхаша в июне 1984 г. Э. Ауэзов нашёл в урочище Майкамыс колонию чаек и крачек, среди которых гнездилась и пара Larus relictus. В последующем на Балхаше орнитологи не работали. Видимо, эти птицы не очень привязаны к местам гнездования и могут менять их в зависимости от конкретных погодных условий. Но в каком масштабе происходит обмен особями или смена мест гнездования, мы не знаем. Установить это несложно: окольцуйте возможно больше птенцов в разных географических пунктах, снабдив их цветными пластмассовыми кольцами, и понаблюдайте за колонией в телескоп в последующие годы.

В 1998 г. в дельте Тентека и на островах Алаколя был организован Алакольский государственный заповедник. В первые годы специалисты занимались инвентаризацией фауны и флоры. В дальнейшем в программу научно-исследовательских работ необходимо обязательно включить тему по изучению реликтовой чайки. Сейчас имеются все условия для получения гранта по проекту с участием Китая и России – ведь реликтовая чайка внесена в Международную Красную книгу! Полагаю, что руководство заповедника сделает надлежащие выводы, и Казахстан будет продолжать лидировать в исследовании этого уникального и ещё малоизученного вида.

Находка реликтовой чайки *Larus relictus* на Торейских озёрах (Забайкалье)

В.Ф.Ларионов, А.М.Чельцов-Бебутов

Второе издание. Первая публикация в 1972*

Более 40 лет назад, 24 апреля 1929, участником экспедиции Свена Гедина Зёдербомом у Цандола, в нижнем течении реки Эдзин-Гол (южная Гоби, Монголия), была добыта чайка, описанная в 1931 году Лённбергом как монгольский подвид черноголовой чайки Larus melanocephalus relictus Lönnb. (Бутурлин 1934). По свидетельству Ч.Вори (Vaurie 1965), Лённберг предполагал, что имеет дело с реликтовым подвидом черноголовой чайки, отсюда и название relictus. Описание этой чайки в отечественной литературе мы находим у С.А.Бутурлина (Там же); даны размеры единственного экземпляра и указана примечательная особенность окраски его «шапочки», которая, как пишет С.А.Бутурлин (1934, с. 165), «совершенно черна лишь в задней части, позади глаз, впереди же линии, окружающей голову через глаза, она постепенно сереет, принимая к основанию клюва бархатисто-серый цвет». К сожалению, у С.А.Бутурлина отсутствует описание окраски первостепенных маховых - важнейшего диагностического признака чайковых птиц.

Шли годы, но ни одного экземпляра таинственной чайки более добыто не было. Из последующих отечественных сводок её описание выпало, остались лишь упоминания номенклатурного порядка. Так, Г.П.Дементьев (1951, с. 525)) высказал предположение, что это, возможно, и не черноголовая чайка, а уклоняющийся от обычной окраски экземпляр L. brunnicephalus, т.е. чайки тибетской, или буроголовой. Л.А.Портенко (1953, с. 156) заметил, что «если подтвердится реальность подвида L. m. relictus Lönnb., описанного по одному экземпляру с Эдзин-Гола в южной Гоби, то наших чаек [черноголовых – B.Л. и A. Y.] необходимо будет называть L. m. melanocephalus Temm.» (что и было уже сделано Бутурлиным, 1934, в подстрочном примечании к с. 152). В «Определителе птиц СССР» (1948, 1964) при описании распространения черноголовой, или средиземноморской чайки упоминается «отдельная колония на оз. Эдзин-Гол в Монголии», но название relictus не используется. В «Кратком определителе птиц СССР» (1964) интересующая нас птица не упоминается.

Рус. орнитол. журн. 2007. Том 16. Экспресс-выпуск № 354

^{*} Ларионов В.Ф., Чельцов-Бебутов А.М. 1972. Находка реликтовой чайки на Торейских озёрах (Забайкалье) // Орнитология 10: 277-279.

Тем временем Ч.Вори (1962), изучив единственный экземпляр этой чайки, пришёл к заключению, что он не что иное, как гибрид между черноголовым хохотуном *L. ichthyaetus* и какой-то из буроголовых чаек, возможно *L. brunnicephalus*. Эту точку зрения он повторил и в своей известной сводке по птицам Палеарктики (1965). Казалось, вопрос решён окончательно, и имя *relictus* должно быть кассировано.

Но вот в конце 1969 года орнитологи нашей страны были приятно взволнованы находкой Эрнаром Ауэзовым гнездовой колонии реликтовых чаек (за неимением более удачного названия приходится так пока называть их по-русски) на Алакольских озёрах (Талды-Курганская обл. Казахской ССР). Заметка об этом под названием «Открытие орнитолога» была помещена в газете «Известия», вслед за тем предварительное сообщение опубликовал и Э.М.Ауэзов (1979). Нет сомнений, что в ближайшее время казахстанские орнитологи напечатают подробное сообщение об этом замечательном событии. Пока же можно сказать, что в результате сравнения добытых на Алаколе взрослых птиц и пуховиков с чайками разных видов в коллекциях Зоологического музея Московского университета и Зоологического института АН СССР, которое было проведено сотрудником института Зоологии АН КазССР А.Ф.Ковшарём, не остаётся сомнений в том, что реликтовую чайку следует считать самостоятельным видом L. relictus Lönnb. Как нам удалось заметить, пользуясь Эталонной коллекцией кафедры биогеографии Московского университета и собранием Зоологического музея МГУ, от черноголовой чайки, подвидом которой она так долго числилась, реликтовая надёжно отличается чёрно-белым рисунком маховых перьев (у взрослых черноголовых чаек они белые). Эта же причина не позволяет сближать реликтовую чайку с буроголовой: рисунок маховых этих птиц принципиально различен. По своему характеру этот признак у реликтовой чайки более всего напоминает расцветку маховых обыкновенной чайки L. ridibundus, хотя и здесь отличия достаточно заметны. Но прежде всего, конечно, реликтовую чайку выдаёт окраска её головы (см. выше), она помогает с лёгкостью отличать (разумеется, взрослую в брачном наряде) от любых других тёмноголовых чаек.

Интерес, вызванный находкой реликтовой чайки, неожиданно помог выяснить, что эта уникальная птица уже добывалась ранее. Так, экземпляр взрослого самца в брачном наряде, ошибочно определённый в своё время как чайка буроголовая *L. brunnicephalus*, хранится в Эталонной коллекции кафедры биогеографии Московского университета. Птица была добыта 12 мая 1965 А.Н.Леонтьевым на Торейских озёрах в Забайкалье (оз. Зун-Торей, юго-восточная часть Читинской области). Размеры птицы (клюв 36.5, крыло 341, цевка 55 мм) и её вес (565 г), в общем, хорошо согласуются с приведёнными С.А.Бутурлиным

размерами типового экземпляра. Полностью соответствует описанию и плавный переход окраски от глаз к основанию клюва, совершенно отсутствующий как у черноголовой, так и у буроголовой чаек. Тщательно осматривавший этот экземпляр А.Ф.Ковшарь не нашёл отличий от птиц, добытых на Алаколе.

Как сообщил нам А.Н.Леонтьев, в коллекции Читинской противочумной станции хранится ещё один экземпляр самца этой чайки, которого он добыл там же 14 мая 1963 (крыло 351, клюв 36 мм, вес 665 г); описание постепенного перехода бурой окраски оперения лба, подбородка и щёк в чёрную на темени, боках головы и горле, сделанное А.Н.Леонтьевым, не оставляет сомнений, что и в этом случае речь идёт именно о *L. relictus*. По словам А.Н.Леонтьева, в мае 1963 г. через Торейские озёра пролетало довольно много реликтовых чаек; так, 14 мая они летели стаями по 15-30 птиц. Неоднократно встречал он этих чаек и в 1965 г. Как видно, в годы наблюдений А.Н.Леонтьева эти птицы не представляли там редкости.

Исходя из приведённых сведений, следовало предполагать эпизодическое (ввиду сильных колебаний уровня воды) гнездование реликтовых чаек на Торейских озёрах; кстати, экземпляр кафедры биогеографии был добыт из пары. И действительно, 4 июня 1967 на озере Барун-Торей (остров Хухан) в громадной колонии больших бакланов *Phalacrocorax carbo*, серебристых чаек *L. argentatus* s.l. и чеграв *Hydroprogne caspia* А.Н.Леонтьев обнаружил не менее сотни гнёзд реликтовых чаек (из-за неверного определения ранее добытого им экземпляра он продолжает называть их тибетскими) и отметил белый фон их яиц (Леонтьев 1968).

Более того, благодаря любезности Б.В.Некрасова (личное сообщение) нам стало известно, что в коллекции Зоологического института АН СССР под № 157117/374-969 уже много лет хранится экземпляр реликтовой чайки (по-видимому, в наряде, предшествующем окончательному, так как чёрный цвет на первостепенных маховых распространён больше, нежели у птиц с Алаколя, хотя распределение чёрного и белого цветов в основном такое же). Птица была добыта 9 апреля 1935 в Китае, близ г. Дагу (Тангу) в провинции Хэбэй (недалеко от Тяньцзиня) и, как и чайка из Забайкалья, хранилась под именем L. brunnicephalus. Не исключено, что и в других орнитологических коллекциях внимательный осмотр поможет обнаружить неверно определённых реликтовых чаек, и мы надеемся, что наша заметка сможет этому способствовать.

Нет сомнений, что ближайшие годы принесут новые сведения о распространении и образе жизни этого нового для нашей и мировой фауны вида птиц. Пока же, по аналогии с пульсацией северных границ ареалов многих водяных птиц Казахстана (Чельцов-Бебутов 1958;

Долгушин 1960), можно предполагать, что реликтовая чайка появляется и тем более гнездится в нашей стране не ежегодно, а эпизодически, в соответствии с колебаниями уровней водоёмов в основной части ареала — Центральной Азии. Очевидно, только этим и можно объяснить, что она до сих пор не была найдена на Алакольских озёрах, которые посещались орнитологами неоднократно.

Литература

- Ауэзов Э.М. 1970. О находке колонии реликтовых чаек *Larus relictus* Lönnb. // *Becmh. AH КазССР* 1: 59-60.
- Бутурлин С.А. 1935. Кулики, чайки, чистики, рябки и голуби // Полный определитель птиц СССР/С.А.Бутурлин, Г.П.Дементьев. М.; Л., 1: 1-255.
- Гладков Н.А., Дементьев Г.П., Птушенко Е.С., Судиловская А.М. 1964. *Определитель птиц СССР*. М.: 1-536.
- Дементьев Г.П., Гладков Н.А., Птушенко Е.С., Судиловская А.М. 1948. *Руководство к определению птиц СССР*. М.
- Долгушин И.А. 1960. Птицы Казахстана. Алма-Ата, 1: 1-470.
- Иванов А.И., Штегман Б.К. 1964. *Краткий определитель птиц СССР*. М.; Л.: 1-529.
- Леонтьев А.Н. 1968 (1969). Гнездовая колония чаек и бакланов на Торейских озёрах // Изв. Забайкал. фил. Геогр. общ-ва СССР 4, 6: 79-80.
- Огнев О. 1969. Открытие орнитолога // Газ. «Известия» № 227, 6.12.1969.
- Портенко Л.А. 1953. Подотряд чайковые // Птицы СССР. М.; Л., 2.
- Чельцов-Бебутов А.М. 1958. О пульсации ареалов некоторых видов птиц в районе Тургайской меридиональной депрессии // Проблемы зоогеографии суши. Львов: 325-334.
- Lönnberg E. 1931. A remarkable gull from the Gobi Desert #Ark. Zool. B. 23, 2: 1-5.
- Vaurie Ch. 1962. The status of *Larus relictus* and other hooded gulls from Central Asia #Auk 79, 3: 303-309.
- Vaurie Ch. 1965. The Birds of the Palearctic Fauna: A systematic Reference. Non-Passeriformes. London.

80 CB

Питание реликтовой чайки *Larus relictus* на озере Алаколь в период размножения

Э.М.Ауэзов, В.В.Филатов

Второе издание. Первая публикация в 2004*

Питание реликтовой чайки *Larus relictus* почти не изучено. В литературе по этому вопросу имеются скудные сведения общего характера (Ковшарь 1974; Ауэзов 1977).

По нашим наблюдениям, реликтовые чайки кормятся на побережье озера Алаколь, в прилегающей полупустыне, на посевах зерновых культур и дорогах вдали от воды, а также иногда и на самом острове Среднем, где расположена их гнездовая колония. Добычу птицы высматривают с воздуха, медленно пролетая над урезом воды около берега, а заметив её, опускаются на землю и склёвывают. Часто в поисках корма ходят по берегу. Охотятся также на полях и в полупустыне. Мы ни разу не наблюдали, чтобы реликтовые чайки занимались активным ловом рыбы или ловили насекомых в воздухе, как это делают обитающие совместно с ними другие виды чаек и крачек.

Хохотуньи Larus cachinnans и особенно озёрные чайки L. ridibundus, живущие на Алакольских озёрах, летом часто посещают свалки у населённых пунктов и зверофермы на окраине посёлка Ушарал, где скапливаются в больших количествах. Реликтовых чаек среди них не встречали, но вблизи посёлка Рыбачье их изредка видели около выброшенного мусора. В отличие от других чаек, L. relictus не прилетают на рыбоприёмные пункты за отходами и не проявляют интереса к плавающей в воде снулой рыбе и её внутренностям.

Основной материал по питанию был собран в 1976 и 1977 годах во время массового кольцевания птенцов реликтовых чаек, которые в момент опасности, как и другие чайковые, отрыгивают находящийся в зобу корм. Собранные отрыжки позволили выяснить состав пищи, которой питаются эти птицы и выкармливают птенцов незадолго до подъёма на крыло. Состав пищи довольно разнообразен. Реликтовые чайки поедают зёрна ячменя *Hordeum vulgare*, мелких млекопитающих, птиц, рыб, мокриц, пауков и различных насекомых: стрекоз, прямокрылых, уховёрток, цикад, равнокрылых, клопов, жуков, чешуекрылых, перепончатокрылых, сетчатокрылых и двукрылых. Среди них отмечались такие вредители сельского хозяйства, как медведки

Рус. орнитол. журн. 2007. Том 16. Экспресс-выпуск № 354

^{*} Ауэзов Э.М., Филатов В.В. 2004. Питание реликтовой чайки (*Larus relictus*) на оз. Алаколь в период размножения // Тр. Алакольского заповедника 1: 382-385.

Gryllotalpidae, уховёртки Dermaptera, а также гусеницы, куколки и имаго озимой совки *Scotia segetum*.

В результате анализа погадок взрослых птиц, собранных на колонии в период насиживания, выяснилось, что в мае они питаются жуками — 15.6%, клопами — 8%, уховёртками — 1.7%, однако основным кормом служат имаго хирономид, или звонцов Chironomidae — 70.8%. Часто отмечали кости и чешую рыб. Были найдены даже остатки жёлчной овсянки $Emberiza\ bruniceps$ и отрыгнутые полуоперённые птенцы береговой ласточки $Riparia\ riparia$, вероятно, сначала утонувшие в озере, а затем выброшенные на берег, где и были съедены чайками. Встречались остатки мокриц, пауков, однажды попался целый непереваренный тарантул.

Разбор содержимого желудков взрослых реликтовых чаек, добытых в колонии 22-23 июня и 2 июля 1969, когда у них были уже оперившиеся птенцы, показал, что основным пищевым объектом в этот период также были звонцы, встреченные в 75% случаев. Далее по встречаемости следовали крылатые формы муравьёв — 50%. В одном желудке содержалось 245 экз. таких муравьёв, очевидно, собранных чайкой во время их роения. Жуки встречены в 62.5% желудков, однако общее их количество невелико — всего 42 экз. Из других насекомых встречены уховёртки (50%), кобылки (25%), стрекозы (12.5% от общего числа пищевых объектов). В 3 желудках найдены чешуя и кости белого окуня Perca schrenki. Растительная пища была представлена несколькими метёлками злака и зёрнами ячменя, которые содержались в 3 желудках (35.7% от общего числа). Гастролиты найдены в 3 желудках. Они представляли собой округлые камешки с острыми гранями диаметром 2-8 мм. Максимальное их количество в одном желудке — 12 шт.

Анализ содержимого отрыжек птенцов показал, что главным кормом их в это время служат звонцы. Они встречались в 81.6% отрыжек в 1976 г. и в 89.9% — в 1977 г. Число этих насекомых в одной отрыжке колебалось от 96 до 1488 экз. В отношении других компонентов корма заметны различия, которые свидетельствуют о том, что реликтовые чайки поедают наиболее массовых и доступных насекомых. Так, если в 1976 г. встречаемость стрекоз составила 3.2%, то в 1977 г. она увеличилась до 29.0%. Жуки в 1976 г. встречены в 36.6% отрыжек, из них большая часть приходилась на личинок водных жуков. В 1977 г. жуки найдены в 46.4% отрыжек и состояли из жужелиц и долгоносиков. Чешуекрылых было больше в 1976 г. (28.4%), но они были представлены в основном гусеницами озимой совки. В 1977 г. бабочки встречены лишь в 8.7% отрыжек. Уховёртки встречались в 1977 г. чаще, чем в 1976 г. (соответственно, 29.0 и 11.8%).

Интересно отметить, что в 1977 г. в 58.0% отрыжек встречены зёрна ячменя и в 20% отрыжек содержались гастролиты. В 1975 г. при раз-

боре 63 отрыжек гастролиты найдены не были, а зёрна ячменя встречались редко. Питание реликтовых чаек зёрнами хлебных злаков, в данном случае пшеницы, отмечено и в Забайкалье (Зубакин 1978).

В 1971 г. с 1 по 7 июня в 60-кратную зрительную трубу наблюдали 88 кормлений чайками птенцов в возрасте 3-7 сут. В 50 случаях кормом служили звонцы, в 21- жуки, в 4- рыбы, в 6- прямокрылые и клопы, в 7- слипшиеся в комок и не определённые точнее насекомые. Необходимо отметить, что при кормлении рыбой взрослые птицы отдавали птенцам только полупереваренные части, а остальное заглатывали сами.

В период массового выплода звонцы буквально облепляют всю прибрежную растительность, проникая вглубь суши на несколько десятков метров. Иногда мы наблюдали, как реликтовые и озёрные чайки вместе с чайконосыми крачками Gelochelidon nilotica кормились на полупустынном участке западного берега Алаколя. Чайки опускались на землю и медленно передвигались, склёвывая звонцов, причём задние птицы время от времени перелетали вперёд, напоминая своим поведением скворцов Sturnus vulgaris. Чайконосые крачки, в отличие от чаек, ловили вспугнутых звонцов в воздухе.

Во время наблюдений за насиживающими чайками неоднократно видели, как они уходили с гнёзд и склёвывали звонцов с кустов около колонии, а потом возвращались на кладку. При роении звонцов, происходящем обычно в безветренную погоду в утренние часы, насиживающие реликтовые чайки ловили их, не вставая с гнёзд.

Таким образом, реликтовые чайки в Алакольской котловине питаются главным образом насекомыми. У нас нет материала по их питанию с момента прилёта до начала формирования колонии. Однако более поздние сроки прилёта, встречи птиц на кормёжке у дорог, в степи и на полях указывают на то, что в этот период они кормятся жуками и другими насекомыми. В тёплые солнечные дни насекомые более активны, а низкая растительность плохо их скрывает.

Важнейшим кормом реликтовых чаек в период размножения служат имаго звонцов. От их количества зависят численность реликтовых чаек на гнездовье, сроки вылупления и поднятия молодняка на крыло. Известно, что в озере Алаколь найдены личинки 45 видов семейства Chironomidae (Малиновская 1959). Массовый выплод имаго зависит от многих факторов: на какой стадии зимовали личинки, скорости повышения температуры воды весной в период их развития, благоприятных погодных условий во время первого массового выплода, способствующих массовому роению и откладке яиц. У звонцов в течение тёплого периода бывает 5-7 генераций. Наблюдения показали, что раннее массовое появление звонцов бывает в годы со сравнительно сухой тёплой весной и более высокой температурой воды в апреле (1975-1977 гг.).

В неблагоприятные для массового выплода звонцов годы численность реликтовых чаек сокращается, либо они вовсе не гнездятся, как это было в 1973 г.

Литература

- Ауэзов Э.М. 1977. О биологии реликтовой чайки // Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата: 119-130.
- Зубакин В.А. 1978. Реликтовая чайка на Торейских озёрах // Докл. МОИП: Зоология, ботаника. М.: 6-8.
- Ковшарь А.Ф. 1974. Реликтовая чайка Larus relictus Lönnb. // Птицы Казахстана. Алма-Ата, 5: 407-410.
- Малиновская А.С. 1959. Кормовая база Алакольских озёр и её использование рыбами // Сб. работ по ихтиологии и гидробиологии. Алма-Ата, 2: 116-144.

80 03

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск 354: 529-531

Первые встречи морской чайки Larus marinus в Москве

Хирт Гроот Куркамп

Второе издание. Первая публикация в 2007*

Утром 17 февраля 2007 Владимир Дерябин фотографировал чаек на Москве-реке на юго-востоке Москвы, в Марьино. Птицы охотно брали хлеб и близко подпускали фотографа. Среди многочисленных серебристых чаек Larus argentatus выделялась одна особо крупная молодая птица. После изучения сделанных снимков она была определена как морская чайка Larus marinus в первом зимнем наряде (есть фотография, см. с. 32 журнала «Московка»).

Описание

 Π р о п о р ц и и . Намного крупнее серебристой чайки; шея, голова и клюв заметно мощнее, чем у L. argentatus.

Оперение. Голова, шея и грудь – белые, с мелкими продольными бурыми пестринами, более обильными и грубыми около глаз, на шее и по бокам шеи. Мантия серо-бурая, лопатки с тёмными якореобразными пятнами. Ювенильные перья в лопаточной области, кроющие крыла и третьестепенные маховые сильно изношены. Хвост белый с

^{*} Куркамп Х.Г. 2007. Первые встречи морской чайки в Москве // Московка 5: 17-18.

относительно узкой (уже, чем у *L. argentatus* в первом зимнем наряде) тёмной предвершинной полосой и намечающимися узкими поперечными полосами. Тёмная полоса становится уже к краям. Крайние рулевые почти полностью белые. В полёте внутренние первостепенные маховые образуют светлую панель.

Неоперённые части тела. Издалека клюв кажется тёмным и контрастирует со светлым оперением головы. С более близкого расстояния становятся видны светлые пятна, особенно в основании подклювья. Кончик клюва светлый.

Обсуждение

По всем признакам — это морская чайка в первом зимнем наряде. Сочетание таких признаков, как большие размеры, мощные голова и клюв, а также рисунок на хвосте, исключает серебристую чайку. Данная встреча морской чайки — четвёртая в московском регионе и первая в Москве. Первый раз этот вид был отмечен 11 августа 1927 на Тростенском озере в Истринском районе (Птушенко, Иноземцев 1968). Второй раз 1 или 2 птицы отмечены С.Мечниковой 19 сентября 1999 в рыбхозе «Гжелка» в Раменском районе (Калякин 2000), третий раз птицу видел М.В.Калякин 28 мая 2005 в Лотошинском рыбхозе.

Появление морской чайки на Москве-реке привлекло особое внимание ряда наблюдателей к большим чайкам. В результате Константином Ковалёвым в Марьино были обнаружены молодая средиземноморская чайка Larus michahelis (1 марта 2007 — Ковалёв, Грот Куркамп 2007) и 6 марта 2007 ещё 2 морские чайки — одна птица в первом зимнем наряде, вторая во втором зимнем наряде (есть фотографии).

Морская чайка лишь изредка появляется в отдалённых от морского побережья местах. Кроме Московской области, залёты известны из Смоленской, Кировской, Нижегородской, Ярославской, Ивановской, Воронежской и Ростовской областей, а также из Краснодарского края. В Новгородской области морская чайка, видимо, более регулярно отмечается на пролёте (Свиридова 2000; Сотников 2002). Известны её встречи на реке Белой в Предуралье и в Белоруссии (Юдин, Фирсова 2002). Результаты кольцевания птенцов на Мурманском побережье показывают, что до 40% возвратов происходит за счёт молодых птиц, которые летят на юго-восток по Волге вплоть до Каспийского моря (Татаринкова 1970 — цит. по: Сотников 2002). Поэтому вполне вероятно, что молодые морские чайки на самом деле чаще посещают наши края. Свидетельство тому — три встречи за короткий период только в олной части Москвы.

Литература

Калякин М.В. (сост.) 2000. *Птицы Москвы и Подмосковья* – *1999*. М.: 1-94.

- Ковалёв К., Грот Куркамп Х. 2007. Средиземноморская чайка в Москве // *Московка* **5**: 19-21.
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий. М.: 1-462.
- Свиридова Т.В. (сост.) 2000. Ключевые орнитологические территории России. М.: 1-702.
- Сотников В.Н. 2002. Птицы Кировской области и сопредельных территорий. Неворобыные. Часть 1. Киров: 1-400.
- Татаринкова И.П. 1970. Результаты кольцевания больших морских и серебристых чаек на Мурмане // Тр. Кандалакшского заповедника 8: 149-182.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 2002. *Ржанкообразные Charadriiformes*. Ч. 1. Поморники семейства Stercorariidae и чайки подсемейства Larinae. СПб.: 1-667 (Фауны России и сопредельных стран. Нов. сер. № 146. Птицы. Т. 2. Вып. 2).

80 03

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск 354: 531

Залёт малой поганки *Tachybaptus ruficollis* на северо-восток Пермской области

В.Н.Пиминов

Второе издание. Первая публикация в 2001*

Одиночная малая поганка $Tachybaptus\ ruficollis$ встречена 10 октября 1974 в Чердынском районе Пермской области, в верховьях реки Колва в окрестностях дер. Талова, около 61°20′ с.ш., 58°10′ в.д. Масса добытой птицы 250 г.

Рус. орнитол. журн. 2007. Том 16. Экспресс-выпуск № 354

^{*} Пиминов В.Н. 2001. Залёт малой поганки на северо-восток Пермской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: 129.